

В. Янцен

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ И ПАРАДОКСАХ ЧИЖЕВСКОВЕДЕНИЯ

В последнее двадцатилетие большое внимание в международных исследованиях истории украинской науки и философии уделяется преодолению дефицитов знания, связанных с более чем полувековым разрывом единых традиций отечественной культуры на «официальную» и «неофициальную», «легальную» и «нелегальную», «революционную» и «контрреволюционную», «советскую» и «эмигрантскую». В ходе этих исследований постепенно возвращаются на родину незаслуженно табуизированные и забытые имена великих отечественных ученых, обезличенная история наук персонифицируется, складываются ее новые разделы, задача которых — изучение научного наследия русской и украинской эмиграции. Одним из таких разделов истории науки является исследование биографии и творчества Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977), обычно называемое чижевсковедением. И хотя это направление исследований находится пока только в состоянии становления, не лишним будет отдать себе отчет в том, до какой ступени развития оно сейчас дошло, какие проблемы и парадоксы в нем накопились и какие попытки их разрешения могли бы рассматриваться как приоритетные.

Если начать с парадоксов, то одним из основных парадоксов современного чижевсковедения, на мой взгляд, является амбивалентность оценок и смешанность временных перспектив восприятия личности и творчества Д.И. Чижевского. В одно и то же время — 1990-е — начало 2000-х гг. — Чижевский для одних (в основном для исследователей из стран бывшего СССР) уже стал классиком эмигрантской философии и славистики и как бы принадлежит к классическому прошлому, о котором можно судить с достаточной объективностью и дистанцией, в то время как для круга его друзей, учеников и знакомых на Западе, а также для ряда западных исследователей он до сих пор современник (друг или враг, учитель или оппонент, наконец, автор все еще находящихся в употреблении учебников и т. д.), подлинное значение наследия которого еще далеко не выяснено.

К сожалению, эта амбивалентность сказывается как на отношении к личности, так и на перспективах сохранности и исследования наследия Чижевского, находящегося сегодня в основном в Германии и в Америке. Исследователям, работавшим в личных архивах Чижевского в Галле и в Гейдельберге, сразу же бросается в глаза, что к его наследию относятся там отнюдь не как к классическому. В общей сложности четыре официальные попытки разбора личного архива Чи-

жевского работниками Гейдельбергской университетской библиотеки при значительных материальных затратах дали довольно скромный, чтобы не сказать жалкий результат. Это наследие сегодня, правда, доступно для исследователей и в самом общем виде упорядочено в нескольких рубриках, но до сих пор не каталогизировано и находится в таком состоянии, что каждый новый исследователь вынужден начинать работу над ним заново и, даже найдя однажды какой-то важный документ или источник, во второй раз может найти его лишь с очень большим трудом. Только благодаря личной инициативе киевской исследовательницы Ирины Валявко и бывшего сотрудника немецкого издательства Вильгельма Финка (Wilhelm Fink Verlag) Винцента Зивекинга (Sieveking; Штутгарт) в последние годы была проведена важная работа по упорядочиванию самой обширной рубрики этого архива: рубрики переписки. Ирина Валявко составила каталог всех корреспондентов Чижевского, а Винцент Зивекинг, работая с этим каталогом и отчасти уточняя его, упорядочил саму переписку, так что отныне, интересуясь письмами каких-то конкретных корреспондентов Чижевского послевоенного периода, в Гейдельберге можно будет без проблем заказывать именно их, не выискивая среди сотен писем иных корреспондентов. Как ни важен этот результат, все же симптоматично в нем то, что достигнут он благодаря личной инициативе исследователей, а не официальных хранителей наследия Чижевского.

Здесь уместно будет сказать и о некоторых печальных последствиях нынешней недооценки наследия Чижевского в Германии.

Только профессиональной некомпетентностью и непониманием значения наследия Чижевского для мировой философии и славистики можно объяснить такую катастрофу для чижевсковедения, как распродажа в Гейдельберге в конце 2003 г. значительной части его архива (всей коллекции отдельных оттисков, принадлежавшей Чижевскому, всего около 3000 единиц: это было богатейшее собрание как его собственных статей, так и статей его коллег, друзей и знакомых, в основном с дарственными надписями, сохранившими существенную биографическую информацию о его личных и научных связях) и около 6000 томов его гейдельбергской личной библиотеки.

Такое же отношение к наследию Чижевского характерно в целом и для Галле (с тем отличием, что галльским славистам всё же удалось создать хотя и неполный, но достаточно подробный каталог первой части его личной библиотеки): личный архив Чижевского за 1921–1945 гг. там до сих пор не каталогизирован и к нему все еще нет официального доступа. Мои многочисленные попытки сдвинуть это дело с мертвой точки, а также попытки спасти от распыления и приобрести для Галле проданную в Гейдельберге частному букинисту коллекцию оттисков и часть библиотеки Чижевского успехом не увенчались. У университетской библиотеки в Галле на приобретение этих фондов просто не оказалось средств. Поэтому гейдельбергская коллекция отдельных оттисков, принадлежавшая Чижевскому, и около 1000 томов славянских изданий его библиотеки были приобретены мной и пока хранятся в моем частном собрании эмигрантики в г. Галле.

Следует также отметить, что недавно в университетский архив в Гейдельберге поступили интересные новые материалы Чижевского:

1) около 400 его биографически важных писем ученице Гуссерля Фердинанде Гоманн (Homann) за 1924–1944 гг.;

2) одна из версий его немецкой книги о Сковороде;

3) проспекты различных конференций, в которых он принимал участие, а также тексты нескольких его докладов.

Все эти материалы переданы в университетский архив их бывшим хранителем, знакомым Чижевского, историком Дитрихом Донатом (Donat; 1927–2006). К сожалению, они оказались переданными в университетский архив с условием открытия к ним доступа только с 2010 г. Это ограничение было обосновано Донатом тем, что у Чижевского в Гейдельберге все еще достаточно много недоброжелателей, и поэтому его сугубо личные письма к близкой ему женщине не должны способствовать таким настроениям. Но, как известно, недоброжелатели (уже по своему определению!) не особенно интересуются наследием, а тем более перепиской Чижевского. Исследователей же это ограничение лишило возможности получения аутентичных свидетельств о жизни Чижевского в 1920–1940-е гг., ознакомления с его непосредственными откликами на те или иные события философской жизни Фрейбурга и особенно на выход произведений Гуссерля и Хайдеггера.

Один из парадоксов современного чижевсковедения состоит не в том, что не хватает источников о жизни и творчестве Чижевского, а в том, что еще слишком много неосвоенных источников, т. к. его личный архив и даже личная библиотека сохранились почти полностью. Но связи между чижевсковедением и освоением личных архивов Чижевского пока еще очень слабы. Этот факт может создать опасную иллюзию, что в личных архивах Чижевского в Галле и в Гейдельберге собрано все его наследие и исследователям осталось эти собрания только обработать... Однако с полной ответственностью могу заявить, что собрано далеко не все, и что если сегодня не обратить внимание на явные пробелы в личных архивах Чижевского в Германии, то завтра эти пробелы уже будет невозможно восполнить. Речь идет прежде всего о самой обширной и биографически наиболее интересной части наследия Чижевского — его письмах, которые он написал за свою жизнь десятки тысяч (а в его личных архивах их машинописных копий сохранилось всего 200–300). Нет в этих архивах и воспоминаний о Чижевском. Нет в них и некоторых рукописей его лекций и докладов, на основе которых потом, как правило, создавались статьи или книги. Но ведь некоторые из этих докладов и лекций так и остались неопубликованными и неизвестными.

Затрагивая тему «неизвестный Чижевский», хотелось бы обратить внимание прежде всего на источники, которые могли бы существенно повлиять на изменение образа ученого и наше представление о значении его наследия. Здесь собственно теоретические размышления должны идти рука об руку с пониманием трагического характера его биографии, прослеживающегося как в личном плане, так и в том, что значительная часть его работ, и особенно работ философских, при жизни осталась невостребованной. Конечно, в этом трагедия не одного Чижевского, а всей эмигрантской философии. Но закрывать глаза на этот факт, ссылаясь на успехи Чижевского-слависта, вряд ли уместно. Не все было благополучно и с публикацией работ Чижевского-слависта. В качестве примера можно приве-

сти, скажем, совместную книгу, которую в начале 1950-х гг. собирались писать Роман Якобсон и Чижевский («Славянская литература раннего средневековья» или «Древнецерковнославянская литература»). По счастливой случайности в приобретенном мной несколько лет назад в США личном архиве гарвардской ученицы Чижевского Зои Осиповны Юрьевой (урожд. Микуловской; 1922–2000) сохранился как общий план этой работы с распределением предполагавшегося авторства глав, так и почти полная машинопись ее части, написанной Чижевским на основе лекций, которые он читал в Галле и в Гарвардском университете («История церковнославянской литературы»).

Не менее интересны и источники, которые можно было бы отнести к рубрике «Нереализованные или лишь отчасти реализованные творческие замыслы». К ней относится множество материалов, хранящихся ныне в Галле: например, неоконченная магистерская философская диссертация Чижевского «О формализме в этике», его статьи «Проблема конкретности в современной философии» и «Метафизика пространства и времени», показывающие абсолютную беспочвенность разговоров о том, был ли Чижевский вообще философом или только историком мысли (ср. воспоминания Х.-Г. Гадамера и В.В. Зеньковского; вряд ли стоит напоминать о том, что, не будучи философом, нельзя быть и полноценным историком философии и мысли).

Из-за отсутствия достаточно достоверных работ о корпусе сочинений Чижевского и их содержательной взаимосвязи между собой (нет даже полной библиографии его печатных трудов, не говоря уже о работах ненапечатанных и незавершенных) в обзорах творчества ученого, естественно, мало обращается внимания на изображение развития его идей. Мы находимся пока еще на стадии чисто позитивистского сбора материала, его перечисления, а то и просто названия и только начинаем подходить к какой-то его классификации.

Наиболее четко это проявляется, например, во все еще общепринятом подходе к периодизации творчества Чижевского. Применяется здесь чисто биографический, а точнее — географический (т. е. наименее всего приемлемый для классификации научного творчества) принцип, выводимый не из содержания и понимания специфики развития творчества, а из довольно внешних для творчества обстоятельств: перемены мест жительства или мест работы ученого. Вопрос о том, совпадают ли периоды биографии с периодами творчества, обычно и не ставят. Но поскольку речь идет о периодизации творчества, то этот вопрос должен быть поставлен и разрешиться он может только отрицательно. В самом деле, какое содержание мы можем придать периодизации творчества разделением его на киевский, гейдельбергско-фрейбургский, пражский, галльский, марбургский, гарвардский и снова гейдельбергский периоды? Абсолютно никакого, кроме фиксации чисто внешнего и случайного для творческого процесса факта... Ведь такого же рода «периоды» были и в творчестве сотен других ученых, ровно ничего о специфике творчества Д.И. Чижевского не говорящих. Бессодержательность биографического принципа для классификации и периодизации творчества становится еще очевидней, если за ее основу взять, например, не места жительства и работы, а развитие академической карьеры или приобретение ученых степеней

или даже кулинарные пристрастия ученого в то или иное время... Все это к содержанию творчества имеет очень отдаленное отношение! Единственно верным критерием периодизации творчества может быть только развитие его содержания, и только из него она и должна выводиться.

«Многосторонность» Чижевского, о которой часто с восхищением упоминают близко знавшие его люди, состояла не только в многогранности и интердисциплинарности его научных интересов, но и в разнообразии и богатстве его личных контактов. Поэтому публикация переписки Чижевского представляется мне вообще одним из самых перспективных направлений изучения его биографии и личных контактов. Это изучение Е. Пшеничный и я уже начали публикацией в первом дрогобычском сборнике переписки Д.И. Чижевского и В.И. Симовича. Некоторые свои публикации в русских изданиях я посвятил переписке и контактам Чижевского с С.Л. Франком, Е.Д. Шором, Г.Г. Шпетом, Н.А. Бердяевым, Б.В. Яковенко, Ф. Либом, Г.В. Флоровским и В.И. Вернадским. Конечно, число таких чрезвычайно интересных для истории мысли персонифицированных параллелей можно было бы значительно умножить: Х.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль, С.И. Гессен, Г.Д. Гурвич, Д.И. Дорошенко, Р. Ингарден, М.М. Карпович, А.В. Койре, Я. Паточка, Ф.А. Степун, П.В. Феденко, Г.П. Федотов, А.В. Флоровский, Р.О. Якобсон, чешские комениологи, редакторы различных журналов, владельцы издательств и десятки других представителей интеллектуальной элиты разных стран. Но в принципе мы уже сегодня вправе поставить перед собой задачу сбора, подготовки и публикации не только избранной переписки (чем сейчас, в частности, занимается в Гарвардском университете Г. Грабович, ограничивший ее 100 письмами), но и академического издания переписки Чижевского, без которого любая его научная биография окажется неполной.

Необходимо отметить, что собранные нами мемуары, юбилейные статьи и некрологи о Чижевском почти все посвящены последнему периоду его жизни и творчества. Поэтому одним из перспективных и важных направлений чижевсковедения является анализ текстов и переписки раннего и зрелого Чижевского 1920–1940-х гг. Именно там предстоят наиболее неожиданные, причем не только биографические, но и теоретические открытия: например, уточнение генезиса и структуры творчества ученого, предполагающее включение в него и истории Церкви. Только объективно изучив эти тексты, мы избежим и излишней «памятниковости» образа Чижевского, и герменевтически ложной его модернизации.

Одним из методологических принципов изучения биографии Чижевского как единства (а не нескольких относительно самостоятельных жизней), связанных с изменением не только мест жительства, занятий и специализаций, но и характера ученого, является постоянное присутствие трагического элемента в этой жизни и воистину стоических попыток его преодоления и положительного преобразования в творчестве. Именно способность в невероятно мрачных и подчас совершенно безнадежных ситуациях сохранить верность гуманистическим идеалам и раз и навсегда избранному профессиональному пути делает личность Чижевского столь привлекательной для нас сегодня. Но мы мало что поймем в его творчестве, если будем заниматься только поиском его «теорети-

ческих источников». Конечно, нельзя и без этого. Но как смыслообразующая константа в нем более важна именно «энергия отталкивания»: полемика и полемический контекст этого творчества. Если бы нужно было дать краткое определение творчеству Чижевского, то его можно было бы назвать «творчеством вопреки»: вопреки не востребованности украинской и русской мысли за границей, вопреки равнодушию издателей и коллег, вопреки преследованиям нацистов и постоянным унижениям, которым он подвергался разного рода бюрократическими учреждениями «от науки». Тем самым тема «Pro et contra» должна занять достойное место в чижевсковедении.

Развитие чижевсковедения связано с переизданием и переводом на различные языки известных и неизвестных трудов ученого. Необходимость переводов обусловлена тем, что довольно много его трудов было опубликовано на немецком и английском языках, и поэтому современные переводы их на русский и украинский являются необходимым условием для введения их в научный оборот на родине ученого. Отчасти эта задача уже решена. Но уровень, на котором она выполнена, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Один из странных парадоксов этой важнейшей отрасли чижевсковедения состоит в том, что при переиздании и переводах трудов ученого почти совершенно не учитываются новейшие результаты исследований его биографии, творчества и архивного наследия. По какой-то совершенно необъяснимой сегодня инерции боязни самостоятельной мысли, идущей еще из советских времен, его труды вводятся в научный оборот в виде некомментируемых переводов и просто републикаций, к которым в XXI в., конечно, нельзя относиться иначе, как к недопустимой халтуре и неуважению к памяти отечественного мыслителя. Ведь в том, как мы издаем своих классиков, проявляется наше собственное лицо: наличие или отсутствие собственных вопросов к ним, способность или неспособность, желание или нежелание их понимания. Имея сравнительно легкую возможность использования всей полноты информации, содержащейся не только в личном архиве Д.И. Чижевского, но и в многочисленных архивах его коллег, учеников и современников («архив эпохи») и в стихийно сложившемся за последние десятилетия мощном потенциале чижевсковедения, располагая новейшей техникой обработки этой ценнейшей информации, мы почему-то этого не делаем. Но интеллектуальная лень — плохой советчик при переиздании классики. Если уж мы признаем Чижевского одним из классиков украинской и русской философской, историко-церковной и литературоведческой мысли, то и эдидиционные принципы переиздания его трудов на родине должны быть строго академическими: учитывающими различные их варианты и редакции и требующими хотя бы элементарного реального комментария.

При изучении трудов Д.И. Чижевского неизбежно возникает вопрос о национальной принадлежности его наследия. И в этом вопросе до сих пор много досадной путаницы. Даже если положить в основу его решения такой чисто формальный критерий, как национальное происхождение и воспитание ученого, он решается двояко: Чижевский происходил из украинско-русской семьи. Если же отталкиваться от его родного языка, то таким языком для Чижевского был русский. Украинским, чешским, немецким, а тем более английским языками он не

владел в совершенстве. И это необходимо учитывать при переводе его наследия на украинский и русский языки. Национальные темы всегда сложны и эмоционально окрашены. Еще более усложняются они, будучи отягощенными национальными амбициями и политической демагогией, на которые чижевсковедам вряд ли стоило бы обращать внимание. Для людей смешанной национальности или людей, работавших над духовными влияниями и связями различных национальных культур не на родине, а в эмиграции и тем самым принимавших участие в процессах развития культуры не только своей собственной страны, но и стран, принявших и признавших их во времена изгнания и преследования на родине, атрибуция однозначной принадлежности их творчества к определенной национальной культуре кажется вопросом почти неразрешимым.

Но чисто теоретически никакой сложности в нем нет. Сам Чижевский в своих «Нарисах з історії філософії на Україні» (1931), перечисляя обычные критерии отнесения той или иной философской системы к отдельной национальной культуре наряду с происхождением, воспитанием и языком, называет еще «участие в национальном движении» и благодаря этому критерию включает в «украинскую философию» не только многих реально участвовавших в ее развитии «иноплеменников», но и «соплеменников», писавших исключительно на других языках. Думается, что тот же критерий может быть применен и к его собственному творчеству. Да будет позволено мне для тех, кто еще сомневается в правомерности многоплановой национальной атрибуции наследия Чижевского, привести цитату из его письма к польско-американскому литературоведу Вацлаву Ледницкому: «...То, что я писал об украинцах и поляках, мне приходилось наблюдать очень часто — и, вероятно, видеть объективнее, чем большинство моих земляков видит сейчас. Предпосылка моей объективности та, что я “страдаю” (?) полной атрофией национального чувства, которое заменено уважением ко всякой культуре, кто бы ни был ее носителем. Этой “болезнью”, впрочем, страдал уже Шиллер, по собственному признанию, как и многие его земляки в начале 19 в. (между ними и Гегель и Гёте). Но большинство “излечилось” после 1814–5 г., многие не сразу: Гегель только к 1820 г., а Гёте, кажется, никогда»¹.

Чижевский обладал удивительной способностью интегрироваться в национальные особенности культуры тех стран, в которых он жил, и в стратегические задачи тех учебных заведений, в которых преподавал, рассматривая их проблематику как «свою»: не «извне», а «изнутри». Иначе такие его тексты, как «Славистическая безграмотность в немецкой науке» (1929), «Сущность и задачи чехословацкой философии» (1936), «Письмо Т. Манну» (1945), «Положение и задачи славистики в ФРГ» (1963), воспринимались бы как не совсем тактичное вторжение «чужака» в чисто внутренние национальные проблемы. Если отвлечься от политики и конъюнктуры, глубоко чуждых подходу Чижевского к национальным вопросам, и сконцентрироваться на его участии в исследовании различных национальных культур, на его вкладе в развитие этих исследований, то вполне можно говорить о Чижевском как об «украинском», «русском», «чешском», «словацком»,

¹ См.: Черновик письма Д.И. Чижевского от 5 апреля 1955 г. из Кембриджа // Tschì, Heid. Hs. 3881. Abt. C // Nicht identifizierte Adressate.

«немецком» и даже «американском» ученом. И для каждой из названных национальных культур — немалая честь, что такой энциклопедист и ученый всемирно значимого уровня, как Чижевский, посвятил какую-то часть своих трудов проблемам этих отдельных национальных культур.

В заключение хотелось бы сделать попутное замечание об относительности понятий «научный центр» и «научная периферия», или «научная провинция». При сегодняшних возможностях современных средств информации и коммуникации эти понятия совершенно устарели, потеряв свой первоначальный географический смысл: можно жить в столицах и быть «духовным провинциалом», т. е. не знать состояния и уровня науки в какой-то конкретной области исследования или даже просто быть некомпетентным в своей профессии, и можно жить и работать в провинции, но в духовном отношении быть вполне на уровне мировых стандартов и требований. С этой точки зрения прекрасную возможность стать центрами мирового чижевсковедения имеют не только столицы, в то время как знаменитый научными традициями Гейдельберг в отношении к наследию Чижевского, к сожалению, оказался настоящим «духовным и интеллектуальным захолустьем», и ему надо всячески помогать из этого состояния выбраться.

Все цивилизованные народы в определенный отрезок своего существования порождают ограниченное число культурных деятелей высшего ранга, своего рода «культурной и интеллектуальной элиты», продукты деятельности которой представляют их лицо. И каждое государство обычно заинтересовано в сохранении, изучении и пропаганде собственного культурного наследия, так как от степени его освоенности зависит культурный уровень будущих поколений, а его утрата неизбежно ведет к возникновению пробелов в национальной памяти, понижению уровня отечественной культуры и считается ее трагедией. Такие трагедии могут случиться с каждым народом. Но совершенно непростительно, когда трагедия забвения национального наследия продолжается в периоды мирного и относительно нормального существования.

Чижевский является несомненным представителем как украинской, так и русской культурной и интеллектуальной элиты XX в. Так как он внес значительный вклад и в европейскую культуру в целом, то сегодня назрела задача создания Международного общества имени Д.И. Чижевского.

Литература

- Бердяев 2007 — *Бердяев Н.А.* Письмо Д.И. Чижевскому / публ. В. Янцена // Новый журнал. Галле; Нью-Йорк, 2007. Март. Кн. 246. С. 212–216.
- Гадамер 2007 — *Гадамер Х.-Г.* Воспоминания о Чижевском // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. С. 281.
- Зеньковский 2007 — *Зеньковский В.В.* Встречи в Киеве. Дмитрий Иванович Чижевский // *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост.,

- вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007. С. 243–245.
- Магидова, Янцен 2007 — *Магидова М., Янцен В. Д.И.* Чижевский: Письма А.Л. Бему (1925–1932). А.Л. Бем: Письмо Д.И. Чижевскому (1930) // *Rossica*. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. С. 67–96.
- Послевоенная переписка Д.И. Чижевского и С.Л. Франка 2006 — Послевоенная переписка Д.И. Чижевского и С.Л. Франка / публ., подгот. текста и примеч. В.В. Янцена // *Русский Берлин (1920–1945): Междунар. науч. конф. 16–18 декабря 2002 г. / сост. М.А. Васильева, Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006. С. 336–354.*
- Пшеничний, Янцен 2003 — *Пшеничний Є., Янцен В.* Листування Дмитра Чижевського з Василем Сімовичем // *Славістика. Т. 1: Дмитро Чижевський і світова славістика / ред. Р. Мних, Є. Пшеничний. Дрогобич, 2003. С. 251–330.*
- Франк 2006 — *Франк С.Л.* Письма к Д.И. Чижевскому (1932–1937) / публ., подгот. текста и примеч. В.В. Янцена // *Русский Берлин (1920–1945)... С. 327–335.*
- Чижевский 2007 — *Чижевский Д.И.* Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / сост., вступ. ст. В. Янцена; коммент. В. Янцена и др. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2007.
- Чижевський 2005 — *Чижевський Д.* Філософські твори: у 4 т. / під заг. ред. В. Лісового. К.: Смолоскип, 2005.
- Янцен 2003 — *Янцен В.В.* Неизвестное письмо Б.В. Яковенко к Д.И. Чижевскому: к истории одного скандала // *Славістика. 2003. Т. 1. С. 331–334.*
- Янцен 2003а — *Янцен В.В.*, публ. > Письмо Д.И. Чижевского Томасу Манну // *Зап. Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2003. С. 305–321.*
- Янцен 2004 — *Янцен В.В.* Неизвестное письмо Б.В. Яковенко к Д.И. Чижевскому (1934): к истории одного философского скандала // *Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2003 [6] / под ред. М.А. Колерова. М.: Три квадрата, 2004. С. 605–608.*
- Янцен 2006 — *Янцен В.В. Д.И. Чижевский, Е.Д. Шор и Г.Г. Шпет // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания / под ред. В.А. Лекторского и др. М.: Языки слав. культур, 2006. С. 357–352.*
- Янцен 2006а — *Янцен В.В.* Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // *Русский Берлин (1920–1945)... С. 304–326.*
- Янцен 2008 — *Янцен В.В.* Неизвестный Чижевский: Обзор неопубликованных трудов. СПб.: РХГА, 2008.
- Čyževs'kyj 1929 — *Čyževs'kyj D.* Slavistische Umbildung in der deutschen Wissenschaft // *Slavische Rundschau. Prag, 1929. Jg. 1. Nr. 1–2. S. 58–62.*
- Čyževs'kyj 1936 — *Čyževs'kyj D.* Wesen und Aufgaben der tschechoslovakischen Philosophiegeschichte // *Slavische Rundschau. Prag, 1936. Jg. 8. Nr. 1. S. 13–22; Jg. 8. Nr. 2. S. 68–80.*
- Tschizewskij 1963 — *Tschizewskij D.* Die Lage und die Aufgaben der Slavistik in der Bundesrepublik Deutschland // *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. Braunschweig, 1963. Bd. 200. H. 1. S. 36–52.*